

Хотя это заняло немного времени, съемки дня были успешно завершены до того, как солнце полностью село.

С этого дня Юй Чжо постепенно адаптировался к съемочной жизни съемочной группы.

Однако возможность снять одну сцену гладко не означает, что каждая сцена будет такой же гладкой.

Умом он понимал, что прошлое закончилось, но след, оставленный этим опытом на нем, и инстинктивную реакцию его тела было не так легко стереть.

Юй Чжо мог очень хорошо справляться с простыми сценами, и это было бы более гладко, когда он играл против Лу Цзяньчуаня, но количество NG для сцен, которые потребляли много эмоций, все еще было намного больше, чем раньше.

Кроме того, у Лин Ванъюя и Юй Чжо были такие же высокие требования, и никто не хотел идти на компромисс. Было несколько раз, когда количество повторяющихся NG было слишком большим, и Юй Чжо неизбежно испытывал стресс.

К счастью, реакция была невелика, и Лу Цзяньчуань тоже был там. Он останавливал съемку, как только обнаруживал что-то неладное, и это не приводило к более серьезным последствиям.

И Юй Чжо добивался прогресса каждый день.

К концу марта количество NG наконец-то уменьшилось. Видя, что прогресс постепенно наверстывает упущенное, многие в съемочной группе восхищались Юй Чжо в глубине души, хотя и не говорили этого.

Поскольку NG часто задерживали окончание работы, Юй Чжо и Лу Цзяньчуань также выработали привычку угощать друг друга. Они время от времени просили своих помощников покупать различные закуски и напитки. Вместе они почти безостановочно пили чай и ужинали в съемочной группе.

Однажды Чжу Цинъю не мог не вздохнуть: «После того, как учитель Юй закончит снимать, благосостояние нашей съемочной группы резко упадет».

Юй Чжо рассмеялся и сказал: «Я куплю еду всем, когда закончу снимать, хорошо?»

Ведущая актриса команды сделала вид, что шокирована: «Ты не сможешь взять свои слова назад, это не шутка!».

«Без шуток», - сказал Юй Чжо: «Я доставил всем много неприятностей, поэтому я все еще могу

позволить себе послеобеденный чай и ужин».

Чжу Цинъюэ покачал головой: «Эй, ты все еще вежлив».

«Верно». Юй Чжо не думал, что сказал что-то не так: «Послушай, я несколько раз ошибся сегодня утром, извини».

«Кто не ошибался?» Ведущая актриса рассмеялась: «Маленький учитель Юй, не будь таким строгим к себе. Ты не один такой, мы тоже находимся под большим давлением».

Чжу Цинъюэ последовал его примеру: «Верно, не извиняйся все время. Не забывай, теперь ты присоединяешься к группе с деньгами, будь жестким».

Юй Чжо был ошеломлен, пока его не толкнул Лу Цзяньчуань, который молчал рядом с ним, и тогда он громко рассмеялся.

«Ладно, тогда я не буду угощать вас завтра дневным чаем».

Кто-то тут же пожаловался: «Но ты же только что обещал угостить нас после окончания съемок!»

«Если завтра учитель Юй не будет угощать нас, пусть учитель Лу угостит нас».

Группа людей одновременно рассмеялась.

«Кстати, господин Юй тоже собирается заканчивать, да? Время летит. Вам сделают операцию после окончания съемок?»

Юй Чжо слегка вздрогнул, улыбнулся и кивнул, и ответил только на первый вопрос: «Если все пойдет хорошо, то это будет почти конец марта».

В начале Лин Ванъюй и Фан Ян подсчитали, что на съемки всех сцен уйдет еще около месяца, исходя из физического состояния Юй Чжо. После возвращения Юй Чжо, хотя на начальном этапе и была некоторая задержка, он все же постепенно наверстывал прогресс, и время окончания съемок было раньше, чем ожидалось.

В последний день марта Юй Чжо наконец-то начинал снимать свою последнюю сцену.

Юй Чжо проснулся до рассвета тем утром.

Стоя перед зеркалом, умываясь и глядя на себя, он внезапно почувствовал, что все не по-

настоящему.

Но все, казалось, происходило шаг за шагом.

Как и в тот день, когда он снимал первую сцену после своего возвращения, после нескольких дней непрерывного дождя, в тот день солнце было особенно ярким.

Юй Чжо прибыл на съемочную площадку. Он только что переоделся и сел за туалетный столик, когда Лу Цзяньчуань тайно подошел к нему и наклонился, чтобы подразнить его: «Учитель Юй, мы собираемся заканчивать. Ты нервничаешь?»

Юй Чжо поднял веки и посмотрел на него: «Ты нервничал, когда заканчивал в прошлый раз?»

Лу Цзяньчуань вспомнил и хмыкнул.

Юй Чжо знал, что он, должно быть, подготовил какие-то трюки, поэтому улыбнулся и спросил: «А что бы ты сделал, если бы я сказал, что нервничаю?»

«Тогда я... обниму тебя?»

Юй Чжо чуть не рассмеялся вслух: «Нет».

«Теперь ты научился меня не любить».

«Нет, нет, я просто не нервничаю».

Лу Цзяньчуань посмотрел на него сверху вниз, выглядя особенно нежно, его глаза были слегка опущены. Через некоторое время он снова заговорил: «Хочешь награду тебя, когда ты успешно закончишь?»

Юй Чжо было любопытно: «Как?»

«Помяукаю для тебя?»

Услышав его слова, Юй Чжо вспомнил пушистого маленького кота, который любил вилять хвостом.

Кажется, он давно его не видел.

Жаль.

«Нет». Подумав об этом, Юй Чжо скривил губы: «Ты больше не котенок, мне все равно, мяукнешь ли ты хоть сто раз».

Лу Цзяньчуань поднял брови и наклонился ближе: «Правда нет?»

Уникальное дыхание мужчины легко пробуждало желание в его сердце. Юй Чжо задумался и вынужден был признать, что если бы Лу Цзяньчуань серьезно ему мяукнул, он, вероятно, все равно бы о нем заботился.

Но он не ответил.

Лу Цзяньчуань подождал немного, а затем снова сказал: «Кажется, хорошо иметь галлюцинации».

Глаза Юй Чжо замерцали, он улыбнулся и покачал головой: «Нехорошо».

Лу Цзяньчуань посмотрел на него.

«Как ты и сказал, иллюзия... это просто обман».

Обманывая себя, ничего не изменишь. Страх все еще есть, тревога все еще есть, и все, что ты пережил в прошлом, все еще есть.

«К тому же, мне это сейчас не нужно».

Лу Цзяньчуань не сводил глаз с Юй Чжо, засмеялся и коснулся его головы, как будто хваля его.

Через некоторое время он снова намеренно вздохнул: «Учитель Юй скоро закончит съемки, и мне придется сниматься еще два или три месяца. Это грустно».

Юй Чжо просто подумал, что ему не хочется уходить, и не смог сдержать смех, но он был готов уговорить его: «Учитель Лу, ведите себя хорошо, эти два или три месяца пролетят в мгновение ока. Разве Цзинь Шэнь не дает тебе отпуск позже?»

Лу Цзяньчуань вздохнул: «Но как только ты закончишь сниматься, я не знаю, когда смогу снова с тобой играть».

Юй Чжо был ошеломлен, затем улыбнулся и сказал: «Шанс всегда будет».

Лу Цзяньчуань слегка приподнял брови, достал мобильный телефон и наклонился к нему.

«Повтори еще раз, я запишу, чтобы ты потом не передумал».

Юй Чжо: ...

«Убирайся!»

Хотя было сказано, что съемки должны быть завершены, на самом деле оставалось снять еще три сцены. Две сцены утром были сняты без какой-либо опасности, что, казалось, указывало на то, что последняя сцена Юй Чжо также пройдет гладко.

Однако последняя сцена имела некоторые трудности с начала подготовки.

Это сцена опознания.

Все еще на крыше старого жилого дома полиция во главе с Гуань Байпином привела сюда Цинь Жаня, который был идентифицирован как подозреваемый в совершении преступления, и попросила Цинь Жаня повторить процесс совершения преступления в том году.

Но когда вся правда была действительно выложена перед ним, Гуань Байпин не мог не рассказать Цинь Жаню выводы, сделанные экспертами-криминалистами после нескольких расследований, прежде чем он заговорил.

Причина смерти отца Лин Цзэ в том году действительно была связана с замыслом двух подростков, но независимо от того, было ли это замыслом Цинь Жаня или замыслом Лин Цзэ, одной ловушки было недостаточно, чтобы убить его.

Более важной причиной была его самонадеянность. Он недооценил двух детей и переоценил свои собственные способности, что привело к тому, что он попал в ловушку.

Слова Гуань Байпина на самом деле намекали Цинь Жаню, что его признание во время опознания может изменить обвинение с преднамеренного на непредумышленное убийство.

Он преследовал истину в течение десяти лет, но в конце концов почувствовал сочувствие к убийце.

Однако Цинь Жань не принял эту доброту.

Он подробно объяснил каждую деталь и намерение своего замысла, не оставив места для себя.

В конце опознания он, казалось, снова стоял напротив мертвеца, который упал в тот день, и, наконец, увидел момент, который изменил его жизнь.

Это самая сложная сцена в фильме для Цинь Жаня, и это также самая сложная сцена для Юй Чжо.

Главные герои этой сцены — Юй Чжо и Чжу Циньяо, а затем актер, который играет отца Лин Цзэ, в конце коротко соперничает с Цинь Жанем. Но, включая других полицейских, актеров не так уж и мало.

Вся съемочная группа начала готовиться днем.

Однако в тот день ветер был неожиданно сильным. Поскольку актеру, игравшему отца Лин Цзэ пришлось подняться на платформу над лестницей на крыше, техническая группа надела на актера страховочный трос. Раньше все было хорошо, но во время последней проверки была обнаружена небольшая неисправность, поэтому ее пришлось перепроверить; затем сильный ветер повлиял на запись звука, и помощнику по звукозаписи пришлось подниматься несколько раз, чтобы внести коррективы.

Во время репетиции всегда были ошибки, и выступление Юй Чжо было неидеальным.

Это неудовлетворительное выступление было полностью подчеркнуто после официальной съемки.

Он хорошо сыграл в предыдущих сценах, но каждый раз, когда он подходил к краю крыши и смотрел вниз, Юй Чжо всегда колебался, прежде чем произнести реплики.

Отчетливая пауза и последующее изменение тона полностью раскололи атмосферу всей сцены.

«Стоп!»,- Лин Ваньюй снова потребовал остановиться, нахмутив брови. «Все еще слишком медленно, и тон все еще неправильный».

Юй Чжо стоял там долгое время, затем он задрожал и вздохнул, и извинился тихим голосом: «Извините».

Лин Ваньюй посмотрел на него и не смог сказать больше.

Эта сцена была эмоционально изматывающей. После повторения ее снова и снова, хотя Юй Чжо все еще пытался сохранять спокойствие, его одежда и волосы уже были мокрыми от пота, и он не мог скрыть свою дрожь. Он не мог продолжать.

Лин Ваньюй отвел взгляд и вздохнул: «Перерыв на 20 минут, и начнем снимать с Цинь Жаня,

идущего к краю крыши».

Юй Чжо кивнул и пошел в сторону.

Лин Ваньюй снова позвал его: «Пусть визажист подправит твой макияж».

Юй Чжо остановился, кивнул и медленно повернулся, чтобы уйти в другую сторону.

Лу Цзяньчуань наблюдал со стороны, и ему было плохо, но он прекрасно знал, что эту сцену мог сыграть только сам Юй Чжо.

В это время он остановился на перерыв и увидел, как Юй Чжо идет по лестнице, а затем молча последовал за ним.

Макияж был быстро закончен.

На самом деле визажист уже видел, как Лу Цзяньчуань идет за ним, и он подправил макияж Юй Чжо. Увидев, что Ю Шу уходит, он также тактично освободил место для них двоих.

Затем Лу Цзяньчуань подошел к Юй Чжо.

Хотя макияж был подправлен, молодой человек все еще сидел неподвижно, слегка опустив глаза, как будто он вообще не чувствовал изменений вокруг себя. После того, как больше не нужно было прятаться, его тихое дыхание и легкая дрожь в теле были особенно заметны, что заставляло чувствовать себя подавленными.

Эти прекрасные персиковые глаза теперь были темными и без всякого света.

Лу Цзяньчуань присел на корточки и осторожно взял Юй Чжо за руку.

«Юй Чжо».

Слабый свет в его глазах мерцал, и Юй Чжо наконец посмотрел на него.

«Учитель Лу, я бесполезен?»

Сердце Лу Цзяньчуаня снова сжалось.

Он прекрасно знал, почему Юй Чжо больше не мог играть. На самом деле, это был не только он, все присутствующие знали это в своих сердцах. Поэтому, даже если им приходилось делать

это снова и снова, никто не проявлял нетерпения.

«Кто посмеет сказать, что наш учитель Юй бесполезен?»

Лу Цзяньчуань с улыбкой переспросил, снова подумал и затем серьезно сказал: «В кругу много разных актеров. Некоторые люди могут играть разные роли с помощью своих навыков, некоторым приходится полагаться на собственный опыт и понимание, чтобы усвоить их, а некоторые могут хорошо играть, только если они войдут в роль и будут считать себя персонажем...

«Ты можешь формировать роль так, как тебе нравится, и ты можете легко сопереживать роли. Это твой врожденный талант. Многие хотят просить об этом, но не могут».

Лу Цзяньчуань посмотрел на него: «Я тебе завидую».

Юй Чжо встретился с ним взглядом и наконец скривил губы: «Ты льстишь мне до смерти».

«Я говорю правду». Увидев его улыбку, Лу Цзяньчуань также немного расслабился: «Учитель Юй, вы знаете, что видят зрители, когда смотрят на вас?»

Юй Чжо был ошеломлен.

Он действительно знал. «Это персонаж».

Лу Цзяньчуань: «Да. Когда они наконец войдут в кинотеатр, они подумают только о том, какой был Цинь Жань и почему он сделал это. Никто не подумает, и никто не узнает, о чем ты думал в тот момент, когда играл Цинь Жаня».

Юй Чжо замолчал.

Лу Цзяньчуань больше не заговорил, тихо ожидая, пока он переварит это.

Спустя долгое время, увидев, что крыша снаружи, похоже, снова оживилась, Лу Цзяньчуань снова заговорил: «Ты ненавидишь Цинь Жаня?»

Ресницы Юй Чжо дрожали, и когда он поднял глаза, он увидел, что глаза Лу Цзяньчуаня всегда были сосредоточены на нем.

Он ненавидит Цинь Жаня?

Конечно, нет.

Получив сценарий, Юй Чжо понял, что это очень хорошая роль. Даже если он обнаружил, что некоторые сцены этой роли заставят его смутиться или даже сопротивляться, он все равно чувствовал, что было здорово получить эту роль.

«Я не ненавижу это». Вспоминая настроение, когда он впервые увидел сценарий, он, казалось, понимал, почему Лу Цзяньчуань задал этот вопрос. «Цинь Жань был неправ, но... я могу это понять».

Он не хороший человек, но и не плохой.

Большинство людей в мире такие же.

Двадцать минут пролетели в мгновение ока.

Юй Чжо вернулся на место, и многие люди почувствовали, что он, кажется, стал другим. Но при более внимательном рассмотрении, похоже, никакой разницы не было.

Лин Ваньюй продолжал смотреть на монитор, пока не заметил, что Лу Цзяньчуань возвращается, затем он повернул голову и посмотрел на него.

Выражение лица Лу Цзяньчуаня было безразличным, но его тон был очень твердым: «Он может это сделать».

Съемка началась снова, пропуская часть, которая снималась много раз до этого, и начавшись прямо с Цинь Жаня, идущего к лестнице рядом с лестничным пролетом.

Юй Чжо встал в указанное положение и медленно выдохнул.

Раздался звук хлопушки, и он прозвучал как невидимый позыв в ушах.

В этот момент Цинь Жань почти объяснил свои планы и намерения, и осталась только последняя часть.

Он сделал вдох и, наконец, прошел под ржавой лестницей.

Эта лестница тогда тоже была очень потрепанной и на ощупь казалась немного грубой. Чтобы убедиться, что простой механизм может быть успешно запущен, молодой человек много раз поднимался туда-сюда за много дней, и его руки были исцарапаны множеством кровавых следов.

Но каждый раз он чувствовал, что находится на правильном пути. Даже когда он тайно

возвращался, чтобы убрать место происшествия, и решал помочь скрыться, обнаружив следы другого человека, он был спокоен и решителен.

Но на самом деле, с того дня он никогда не осмеливался встать в эту позу и посмотреть вниз.

До этого Цинь Жань всегда чувствовал, что как только человек умрет, все закончится и все будут спасены.

Однако с тех пор убийство, или то, убил ли он кого-то, стало для него оковами, которые полностью заперли его.

За долгие десять лет он даже начал задумываться, не сделал ли он что-то не так. Он вспоминал все детали того времени по крупитцам бесчисленными ночами, пытаясь убедиться, что именно он убил человека. Иногда у него появлялся след необъяснимой удачи.

На крыше было очень тихо, только шум ветра.

Лин Ваньюй пристально смотрел на монитор.

На снимке лицо Юй Чжо становилось все более и более четким под увеличением камеры, но даже так никаких эмоциональных взлетов и падений не было видно.

Глаза, скрытые за очками в черной оправе, были холодными, но в них не было сожаления.

Это был Цинь Жань, который наконец дошел до конца и был чрезвычайно спокоен.

На этот раз Юй Чжо не колебался.

Он тоже долго молчал, но это было совсем другое просветление.

Цинь Жань наконец заговорил ясно. Он всегда ясно понимал, что все его предыдущие планы были для последнего шага. Фактически, его цель также была достигнута.

«... В конце концов, он обязательно упадет».

Спустя десять лет он наконец снова поднял голову.

Лестница, которая тогда казалась высокой, теперь кажется особенно короткой, как будто можно подпрыгнуть и дотянуться, чтобы подняться по ней.

Человек тогда, казалось, все еще был там, как в смутном воспоминании о прежних временах, улыбался и звал его.

«Сяо Жань, поднимайся. Здесь вид лучше».

Этот человек всегда был очень добр к нему. Для Цинь Жаня, потерявшего отца в молодости, он был единственным, кто согрел его.

Но когда он увидел, как этот человек запирает Лин Цзе в комнате и избивает его раз за разом, когда он увидел жуткое выражение лица этого человека за своей матерью, когда он случайно встретил этот совершенно другой взгляд, Цинь Жань испытал сильное чувство кризиса.

Человек, стоявший наверху, долго ждал без ответа и начал беспокоиться.

Его тон стал нетерпеливым и уже не таким мягким, как раньше.

«Цинь Жань, поднимайся».

«Я не пойду». Цинь Жань прекрасно знал, что это всего лишь картинка, которую он себе представил, но он все равно отступил на шаг и серьезно повторил: «Дядя Лин, я не хочу подниматься. Я также не хочу, чтобы ты был моим отцом».

Когда стоящий наверху человек услышал это, его лицо тут же изменилось. Его глаза стали холодными и свирепыми, как будто он собирался прыгнуть и ударить его в следующую секунду точно так же, как то, что Цинь Жань увидел за дверью.

Но на этот раз Цинь Жань не убежал.

Мужчина тоже не спустился.

Сработала конструкция, которую Цинь Жань симулировал бесчисленное количество раз, и десять лет спустя, казалось, наконец пересек время и увидел результат.

Наверху была только небольшая область, и человек споткнулся и быстро отступил к краю. Ограждение, которое было ослаблено в течение долгого времени, наконец упало, и человек тоже упал вниз.

Цинь Жань все еще помнил, что он, казалось, услышал долгий крик в то время.

Он наконец вздохнул с облегчением и оглянулся на Гуань Байпина, который все еще стоял там и слушал.

«В то время я действительно хотел убить его намеренно».

Цинь Жань всегда был умным, и, конечно, он понял бы, что сказал ему Гуань Байпин раньше. Но ему нечего было отрицать.

«Я не хочу быть вторым Лин Цзэ, и я не хочу, чтобы моя мать закончила так же, как его мать». Он сказал: «Тогда мы были слишком слабы и не знали, что есть другие варианты».

«Столько лет я задавался вопросом, убил ли его я, и кто был бы тем другим человеком».

«Я сожалел об этом, я боялся и даже подумал по счастливой случайности, что было бы лучше, если бы он не умер от моих рук. Но тогда я был действительно рад узнать, что он наконец-то умер».

Цинь Жань долго молчал, затем улыбнулся и покачал головой, но его глаза немного опустились.

«Я все еще думаю... здорово, что он умер».

Это было очень легкое предложение, но оно, казалось, было тяжелее любого предыдущего, ударяя в уши зрителей, и каждое слово, казалось, отдавалось эхом.

«СНЯТО!»

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Лин Ваньюй крикнул, чтобы остановились. Но никто не двинулся с места, и на крыше все еще было так тихо, что можно было услышать ветер.

Лин Ваньюй смотрел на повтор с мрачным лицом и только медленно выдыхал до конца.

«Пройдено».

Он посмотрел на Юй Чжо, который все еще тихо стоял на крыше, и наконец рассмеялся. «Я заявляю, что Цинь Жань успешно закончил съемку!»

Тишина на крыше наконец вскипела, и раздались аплодисменты и крики, и вскоре они слились воедино.

Чжу Циньяо был прямо рядом с Юй Чжо. Он был ошеломлен на мгновение, а затем бросился и обнял его.

«Поздравляем господина Юй с успешным завершением съёмок!»

Остальные наконец отреагировали и собрались вокруг. Когда Лу Цзяньчуань протиснулся в толпу, Чжу Цинъяо оттолкнули, а Юй Чжо обнимал другого актера с легкой улыбкой.

Вскоре кто-то заметил, что Лу Цзяньчуань подходит, улыбнулся и похлопал человека.

Затем человек улыбнулся и отошел в сторону.

Когда Лу Цзяньчуань подошел и встретился глазами с Юй Чжо, его сердце пропустило удар.

Этот человек явно улыбался и, казалось, мог очень свободно отвечать на поздравления и благословения всех, но в его глазах все еще не было света.

Но прежде, чем Лу Цзяньчуань успел подумать еще что-то, Юй Чжо уже сделал шаг вперед и проявил инициативу, чтобы обнять его.

Лу Цзяньчуань подсознательно обнял его в ответ, и только когда он заключил человека в объятия, он понял, что тело Юй Чжо все еще слегка дрожит.

Это был своего рода тремор, который не мог ослабнуть после долгого периода напряжения.

«Юй Чжо?» - прошептал Лу Цзяньчуань ему на ухо.

Юй Чжо не ответил.

Сердце Лу Цзяньчуаня снова упало. Он поднял взгляд на оживленную толпу вокруг себя, затем слегка опустил глаза, взял Юй Чжо за руку и вышел из толпы.

Шумные люди на мгновение были ошеломлены.

«Учитель Лу?»

Чжу Цинъяо подсознательно сделал шаг вперед, но вскоре понял и повернулся, чтобы остановить толпу.

«Давайте подождем еще немного».

Они все были в одном кругу, и они уже видели такие сцены раньше. Вспоминая финальную сцену и улыбчивый ответ Юй Чжо всем только что, остальные тоже отреагировали.

Лу Цзяньчуань не хотел беспокоиться о том, что думают другие.

Он полюбил Юй Чжо и направился прямо на лестницу. Визажист и несколько сотрудников, ожидавших внутри, все были поражены, но вскоре поняли, что что-то не так. Они переглянулись и отступили.

Лу Цзяньчуань продолжил спускаться вниз с Юй Чжо.

За исключением крыши и двух домов, используемых для внутренних съемок, остальные этажи этого здания были заброшены. Лу Цзяньчуань пнул несколько дверей подряд и, наконец, нашел квартиру, в которую можно было войти.

В пыльной квартире ничего не осталось, и она выглядела пустой.

Только заброшенный старый деревянный стул стоял в углу гостиной.

Лу Цзяньчуань толкнул Юй Чжо на стул, а затем присел на корточки.

Его взгляд упал на лицо Юй Чжо, и он снова серьезно позвал его: «Юй Чжо».

После короткого молчания глаза молодого человека наконец слегка дрогнули.

Спустя долгое время он моргнул и встретился взглядом с Лу Цзяньчуанем.

Лу Цзяньчуань понял, что только тогда Юй Чжо наконец вышел из роли.

Он неосознанно вздохнул с облегчением, улыбнулся и сказал то, что должен был сказать только что: «Поздравляю с завершением».

Юй Чжо снова моргнул.

«Я, закончил?»

«Да, закончил». Лу Цзяньчуань утвердительно повторил: «Ты очень хорошо сыграл Цинь Жаня».

Юй Чжо замолчал на мгновение, полузакрыв веки и улыбнулся: «Спасибо».

Лу Цзяньчуань посмотрел на его руку. Не известно, когда, правая рука Юй Чжо крепко сжала край его одежды.

Это было похоже на попытку схватить что-то, чтобы спасти свою жизнь.

«Я не шучу. Ты очень хорошо сыграл Цинь Жаня. Это почти то же самое, что я представлял себе, когда впервые увидел исправленный сценарий». Лу Цзяньчуань попытался сохранить спокойствие: «Нет, следует сказать, что это ближе к Цинь Жаню, чем я могу себе представить».

Юй Чжо услышал смысл, который он пытался выразить, и не смог не улыбнуться снова.

На этот раз его тон казался более нормальным, но все еще присутствовала некая необъяснимая неясность: «Спасибо, господин Лу, за ваше подтверждение».

Лу Цзяньчуань осторожно накрыл свою правую руку рукой и медленно взял ее.

«Ты не знаешь после того, как ты закончил последнюю сцену, никто не пришел в себя». Он сказал: «Потому что ты так хорошо играл».

Юй Чжо наконец показал след сомнения в глазах.

Он не понимал, почему Лу Цзяньчуань постоянно хвалил его.

Конечно, Лу Цзяньчуань знал, о чем он размышлял.

«Юй Чжо, ты играл очень хорошо. Но как бы хорошо ты ни играл, это просто Цинь Жань, а не ты». Лу Цзяньчуань произнес слово за словом, как будто хотел высечь каждое слово в сердце Юй Чжо: «Мысли, слова, жизнь... все принадлежит Цинь Жаню».

Юй Чжо долго молчал.

Лу Цзяньчуань не чувствовал, что его рука, держащая край одежды, постепенно расслабляется, и услышал, как он заговорил.

«Ты ошибаешься».

Сердце Лу Цзяньчуаня сжалось.

Юй Чжо быстро сказал: «Я на самом деле такой же».

После того, как он начал, следующие слова не казались такими уж трудными для произнесения.

«Я и Цинь Жань... на самом деле мы одинаковые».

Вот почему он продолжал повторять это снова и снова, но не мог хорошо сыграть эту сцену.

Поскольку он не осмеливался признать это, он на самом деле чувствовал предвкушение, когда собирался произнести эти строки. Так же, как он не мог поверить, что Юй Инянь мертв.

Даже когда он пошел за телом лично, получил одну квитанцию и наблюдал, как это лицо заталкивают в печь и в конце концов превращают в пепел.

Он также отказывался верить, что Юй Инянь так легко и легкомысленно упадет с высоты и умрет.

Он не осмеливался признаться, что был счастлив в тот момент, когда услышал эту новость.

«Я не могу не задаться вопросом, была ли это просто новая выходка Юй Иняня, и появится ли он снова вскоре, прося у меня денег, ругая меня и угрожая мне...»

«Потому что так я смогу спокойно его ненавидеть».

Цинь Жань был таким же. Он так боялся этого человека и надеялся, что он исчезнет, но человечность, которая не была погашена в его сердце, все равно заставляла его все время осуждать.

Он снова и снова говорил себе, что не сделал ничего плохого, но все равно не мог не сожалеть, не сомневаться и не желать сбежать.

«Когда я был совсем маленьким, он любил меня и очень хорошо ко мне относился».

Но эти хорошие вещи позже были скрыты множеством плохих вещей.

«Но я все еще чувствую...»

В этот момент Юй Чжо резко остановился.

Лу Цзяньчуань просто молча последовал за ним, крепко держа его за руку, и ничего не сказал.

Он знал, что этому человеку нужно время и мужество.

Спустя долгое время Юй Чжо вздохнул и продолжил.

«Я все еще ненавижу его. Я хотел бы, чтобы он умер».

«Я все еще чувствую... он наконец умер, это так хорошо...».

Услышав это, Лу Цзяньчуань наконец вздохнул с облегчением.

Эти слова, которые должны были быть сказаны больше месяца назад, всегда терзали этого человека в месте, до которого другие не могут добраться.

К счастью, они все же были сказаны.

Он поднял голову и ущипнул затылок Юй Чжо, словно уговаривая ребенка: «Все в порядке, даже если ты так думаешь, это не имеет значения».

Юй Чжо поднял глаза и посмотрел на него, его глаза казались смущенными, но также, казалось, выжидающими.

Сердце Лу Цзяньчуаня забило быстрее, и он снова повторил: «Все в порядке».

Никто не станет его винить.

Кто бы это ни был, они не смогут сделать лучше, чем он.

«Даже если ты действительно так думаешь, по крайней мере, я все равно буду любить тебя так же...».

Юй Чжо, казалось, не ожидал, что Лу Цзяньчуань признается в любви в этот момент. Он долгое время был ошеломлен, прежде чем беспомощно улыбнулся.

Но когда уголки его рта изогнулись вверх, они слегка задрожали.

Казалось, он не мог больше держаться, поэтому он наклонился вперед и уткнулся головой в плечо Лу Цзяньчуаня.

Лу Цзяньчуань на мгновение напрягся, затем расслабился и потянулся, чтобы обнять его.

Молодой человек не двигался, как уставшая птица, которая наконец нашла пристанище для отдыха.

Спустя долгое время Лу Цзяньчуань услышал, как он очень тихо сказал.

«Лу Цзяньчуань, он мертв».

Сердце Лу Цзяньчуаня сжалось, но он улыбнулся и ответил: «Да, Юй Инянь мертв».

Юй Чжо больше ничего не сказал.

Но Лу Цзяньчуань почувствовал, что одежда на его плечах вскоре пропиталась чем-то.

Затем раздались тихие всхлипы, которые медленно переросли в рыдания, а затем слились в сердечные крики.

Горло Лу Цзяньчуаня сжалось, но его глаза стали более нежными.

Он бережно обнял человека перед собой и постарался повторить это еще раз серьезно.

«Юй Чжо, поздравляю с завершением».

.

Поздравляю с завершением "Возрождения".

Поздравляю с Возрождением.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14647/1300538>